

Проблемы управления: теория и практика
Administrative issues: theory and practice

DOI: 10.24412/2070-1381-2023-98-73-85

К вопросу о применении технологий «острой силы» в современном мире

Наумов Александр Олегович

Доктор исторических наук, доцент, факультет государственного управления, МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, РФ.

E-mail: naumovao@my.msu.ru.

SPIN-код РИНЦ: [2905-0930](#)

ORCID ID: [0000-0002-8366-5934](#)

Белюсова Марина Владимировна

Ассистент, факультет государственного управления, МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва РФ.

E-mail: belousova@spa.msu.ru

SPIN-код РИНЦ: [3509-2108](#)

ORCID ID: [0000-0002-2260-8522](#)

Аннотация

Статья посвящена анализу концепта «острой силы», разработанного сотрудниками «Национального фонда в поддержку демократии» (США) К. Уокером и Дж. Людвиг в конце 2010-х гг. Авторы рассматривают причины возникновения концепции «острой силы», изучают соотношение понятий «мягкой силы» и «острой силы», а также предлагают свое определение «острой силы». Очевидно, что проблема изучения феномена «острой силы» на Западе состоит в политизации термина «мягкая сила», так как зарубежные эксперты исходят из того, что продвижение любых других ценностей, отличных от западных, не может соотноситься с «мягкосиловыми» технологиями. В то же время авторы статьи приводят многочисленные примеры, когда принципы либерального порядка нарушались непосредственно в западных странах. По этой причине реализация стратегии «острой силы» связана не с характером политического режима стран-субъектов, а с тем, какие цели они преследуют. В зависимости от этого понятие «острой силы» получает расширенное толкование не только как элемент внешнеполитической деятельности так называемых нелиберальных государств, но и как основа технологий в рамках внутриполитической борьбы с альтернативными либерализму нарративами в самих странах «золотого миллиарда». В результате анализа авторы приходят к выводу, что о феномене «острой силы» можно говорить в тех случаях, когда ресурсы «мягкой силы» используются для манипулирования общественным мнением для достижения политических целей, независимо от того, кто применяет данные технологии.

Ключевые слова

«Острая сила», «мягкая сила», К. Уокер, Дж. Людвиг, Дж. Най, «Национальный фонд в поддержку демократии», Russia Today, Институт Конфуция, Штурм Капитолия, Д. Трамп, «Твиттер».

On the Issue of Sharp Power Technologies in the Modern World

Alexandr O. Naumov

DSc (Historical Sciences), Associate Professor, School of Public Administration, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation.

E-mail: naumov@spa.msu.ru

ORCID ID: [0000-0002-8366-5934](#)

Marina V. Belousova

Assistant, School of Public Administration, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation.

E-mail: belousova@spa.msu.ru

Abstract

The article is devoted to the analysis of the sharp power concept, developed by the researchers of the National Endowment for Democracy (USA) K. Walker and J. Ludwig in the late 2010s. The authors consider the reasons for the emergence of sharp power concept that originates in political regimes of illiberal democracy, primarily in China and Russia, study the relationship between the soft power and sharp power as well as introduce their own definition of sharp power. It is obvious that the issue of sharp power in research papers presented in Western countries is closely related to politicization of soft power concept since K. Walker and J. Ludwig argue that the promotion of any other values other than Western ones cannot be carried out on the basis of soft power technologies. At the same time the authors of the article bring numerous examples when the principles of the liberal order were violated in Western countries. For this reason, the application of sharp power strategies and technologies does not depend on the nature of the political regime of the countries that apply it, but on the goals that they pursue. Therefore, the concept of sharp power receives an expanded interpretation not only as an element of foreign policy activities of illiberal countries, but also as the basis of technologies used for organizing color revolutions or as part of the domestic political struggle against narratives alternative to liberalism in Western countries. The authors conclude that sharp power technologies are introduced in cases when the soft power resources are applied to manipulate public opinion to achieve political goals, regardless of who uses these technologies.

Keywords

Sharp power, soft power, Ch. Walker, J. Ludwig, J. Nye, National Endowment for Democracy, Russia Today, Confucius Institute, Capitol attack, D. Trump, Twitter.

Введение

Происходящий на наших глазах переход от однополярного к многополярному мироустройству, резко ускоренный началом Специальной военной операции России на Украине, формирует новую геополитическую и идеологическую реальность. Находясь в авангарде западного либерального консенсуса, Соединенные Штаты Америки вынуждены искать новые инструменты влияния и на своих «младших» партнеров, и на страны, руководствующиеся национальными интересами и не принимающие диктат стремительно теряющего былое влияние гегемона. В этих условиях обеспечение ценностно-идеологической легитимации коллективных интересов Запада во главе с США приобретает особое значение.

Наряду с тектоническими сдвигами в области мировой политики видоизменяется характер действий ключевых международных игроков в информационной сфере. Новый виток научно-технической революции не только ускорил передачу информации, но и дал возможность ее одновременного получения из различных источников. Сегодня важнейшее значение приобретает то, насколько тот или иной формат подачи информации способен привлечь внимание объекта воздействия и вызвать у него доверие. Таким образом, акторы, которые оказывают преобладающее влияние на формирование повестки, способны наиболее эффективно продвигать свои нарративы в целевых аудиториях.

До недавнего времени западные государства контролировали основную часть глобального медийного пространства, наполняя его идеями и образами, эффективно отражая либеральную ценностную систему и формируя устойчивые положительные коннотации в сознании реципиентов. Выход на международную арену новых суверенных центров силы изменил «правила игры» на информационно-идеологическом фронте: либеральные нарративы оказались вынуждены конкурировать с набором ценностей, продвигаемых восходящими великими державами. Безусловно, это вызывает ответную реакцию со стороны стран коллективного Запада, которые стремятся сохранить свое доминирование как путем усовершенствования собственных информационно-коммуникационных технологий, так и путем дискредитации действий своих оппонентов.

Целью данной статьи является анализ концепции «острой силы», которая несколько лет назад была разработана и введена в научный оборот сотрудниками американского «Национального фонда в поддержку демократии»¹ К. Уокером и Дж. Людвиг для обозначения «мягкосиловой» деятельности геополитических противников США. Методология исследования основана на системном и сравнительном подходах, в рамках которых феномен «острой силы» анализируется одновременно и как элемент внешнеполитической деятельности государств, обозначаемых в западном общественно-политическом дискурсе в качестве нелиберальных, и как технология внутривнутриполитической борьбы в самих государствах «золотого миллиарда».

Стоит сказать, что в последние годы отечественные авторы все чаще обращаются к подобным сюжетам. Изучению стратегии «мягкой силы», например, посвящен целый ряд крупных монографий [Soft power: теория, ресурсы, дискурс 2015; Паршин 2020; Soft power, мягкая сила, мягкая власть 2020, Неймарк 2020, Наумов 2022]. Коллективная монография под редакцией О.Ф. Русаковой представляет собой многоплановое исследование «мягкой силы» как аналитического концепта, своеобразного дискурса, ресурса развития и инструмента современных коммуникаций. В фокусе внимания П.Б. Паршина находится тридцатилетняя эволюция концепции «мягкой силы» и особенности ее восприятия и функционирования в рамках различных политических культур, прежде всего американской и российской. Работы,

¹ Организация включена Минюстом РФ в перечень нежелательных организаций.

собранные в монографии под редакцией Е.Г. Борисовой, преимущественно представляют собой анализ применения концепта «мягкой силы» к описанию политических процессов в ряде стран. М.А. Неймарк анализирует роль «мягкой силы» в кардинально изменившейся геополитической реальности наших дней и полемизирует с различными точками зрения по этому вопросу в современном научном дискурсе. Труд А.О. Наумова посвящен роли деструктивных технологий «мягкой силы» в реализации «цветных революций» — операций коллективного Запада по смене неугодных ему политических режимов.

Концепт «умной силы» также становился предметом анализа нескольких серьезных статей [Козлов 2017; Моисеенко 2017; Смородина 2018]. К примеру, Ю.В. Смородина раскрывает гуманитарные грани «умной силы», а Я.Ю. Моисеенко предлагает концептуально новый подход к изучению этого феномена с точки зрения его кратологических аспектов, опираясь на теорию «центральных доминионов» К. Шмитта.

Оказывались в поле зрения российских исследователей и вопросы, связанные с «острой силой». В публикациях О.Г. Леоновой [Леонова 2019], Е.А. Волковой, Л.В. Лукиной и Ю.И. Лаптевой [Волкова и др. 2019], А. Махмуд [Махмуд 2020], К.Д. Кузнецова [Кузнецов 2021], А.О. Наумова и М.В. Белоусовой [Наумов, Белоусова 2022] рассматриваются различные аспекты данного феномена, от теоретических изысканий до практически ориентированных страновых исследований. Тем не менее полноценный системный анализ концепции «острой силы» все еще далек от завершения и требует свежих идей и подходов, особенно в связи с тектоническими геополитическими изменениями, произошедшими в течение 2022 – первой половины 2023 гг.

Технологии «острой силы» как элемент внешнеполитической деятельности нелиберальных стран

В 1990 г. американский политолог Джозеф Най-младший ввел в научный оборот термин «мягкая сила», который он дополнил и расширил в труде 2004 г. «Мягкая сила»: средства достижения успеха в мировой политике» [Nye 2004]. «Мягкая сила», как ее определял исследователь, представляет собой внешнеполитический инструментарий для достижения целей без применения военной силы или экономических рычагов, но путем завоевания симпатий целевых аудиторий [Ibid., X]. Концепция «мягкой силы» легла впоследствии в основу «умной силы», которая сочетает в себе технологии как «мягкой силы», так и «жесткой силы» и представляет собой эффективную стратегию, применяемую при различных обстоятельствах [Nye 2011, XV].

В 2017 г. в общественно-политическом дискурсе появился новый термин — «острая сила». Его авторами стали сотрудники американского «Национального фонда в поддержку демократии» Кристофер Уокер и Джессика Людвиг. В статье «Значение “острой силы”. Как авторитарные государства формируют свое влияние»², вышедшей в ноябре 2017 г. в журнале Foreign Affairs, они выдвинули предположение, что «мягкая сила» присуща исключительно либеральным демократиям; говорить же о ее наличии у государств, которые Западом таковыми не воспринимаются, не только неправомерно, но и опасно. При этом под ударом такой «острой силы» находятся те демократии, в которых, по мнению экспертов, нелиберальные режимы стремятся продвинуть свою систему ценностных ориентиров, мимикрируя под практики «мягкой силы».

Объектом вышеуказанного исследования американских ученых стали внешнеполитические инициативы социокультурного и гуманитарного характера Российской Федерации и Китайской Народной Республики. Спустя месяц под эгидой

² Walker Ch., Ludwig J. The Meaning of Sharp Power. How Authoritarian States Project Influence // Foreign Affairs [Электронный ресурс]. URL: <https://www.foreignaffairs.com/articles/china/2017-11-16/meaning-sharp-power> (дата обращения: 20.02.2023).

«Национального фонда в поддержку демократии» и «Международного форума демократических исследований» была опубликована еще одна работа³, в которой уже с практической точки зрения изучался характер влияния России и Китая на демократические системы в ряде государств Восточной Европы и Латинской Америки. Во введении к докладу К. Уокер и Дж. Людвиг выдвинули тезис, что Москва и Пекин применяют одинаковые инструменты распространения их международного влияния, отличительной особенностью которых является то, что некоторые из используемых методов не являются откровенно принудительными, но их реализация на практике также не соответствует критериям «мягкой силы»⁴.

В целом внешнеполитические инициативы нелиберальных государств, которые исследователи называют авторитарными, осуществляются в глобальном масштабе и затрагивают многочисленные сферы общественной жизни в демократических странах на всех континентах. Несмотря на то, что эти инициативы имеют схожие с «мягкой силой» источники и инструменты, технологии их реализации, к которым прибегают «агенты авторитарных режимов», не соответствуют заявленным государственными информационными агентствами целям «расширения дискуссии» или «продвижения альтернативных идей». В отличие от случаев применения «мягкой силы», когда субъект стремится создать привлекательный образ транслируемых им идей и ценностей, деятельность российских и китайских акторов направлена на отвлечение внимания отчасти ложной повесткой и осуществление различного рода манипуляций общественным сознанием в выгодном для субъекта ключе. «Могущественные и амбициозные авторитарные режимы, которые систематически подавляют политический плюрализм и свободу выражения мнений, чтобы сохранить власть у себя дома, все чаще применяют те же принципы на международном уровне», — утверждают авторы⁵.

Уокер и Людвиг выделяют четыре основных вида акторов, которые уполномочены нелиберальными правительствами на подобные виды деятельности: средства массовой информации, академические круги, институты культуры, аналитические центры и политические сообщества. Как утверждают исследователи, разработка и применение многообразного инструментария, направленного на формирование положительного общественного мнения по отношению к КНР в ряде стран, стоила Китаю в последние десятилетия миллиарды долларов. Сюда относятся в первую очередь двусторонние и многосторонние обмены, масштабные культурные мероприятия и образовательные программы, развитие медиа-предприятий с глобальным охватом. Авторы отдельно останавливаются на деятельности Институтов Конфуция, которые по формальным критериям стараются «быть похожими на Институт Гете и “Альянс Франсез”. При этом представительства Института Конфуция координируются Ханьбань, его правительственной штаб-квартирой»⁶. По мнению американских ученых, Институты Конфуция, являясь частью государственного аппарата, ведут непрозрачную работу в кампусах западных университетов и ставят под угрозу академическую свободу высших учебных заведений, на территории которых они расположены, прибегая к финансовому давлению, требованиям к самоцензуре, преднамеренному избеганию чувствительных для китайских властей тем или их одностороннему освещению (в первую очередь вопросов, связанных с Тайванем, Тибетом и Синьцзяном).

³ “Sharp Power: Rising Authoritarian Influence”: New Forum Report // National Endowment for Democracy [Электронный ресурс]. URL: <https://www.ned.org/sharp-power-rising-authoritarian-influence-forum-report/> (дата обращения: 20.02.2023).

⁴ Walker Ch., Ludwig J. From “Soft Power” to “Sharp Power”: Rising Authoritarian Influence in the Democratic World. P. 8–25 // National Endowment for Democracy [Электронный ресурс]. URL: <https://www.ned.org/sharp-power-rising-authoritarian-influence-forum-report/> (дата обращения: 20.02.2023).

⁵ Walker Ch., Ludwig J. The Meaning of Sharp Power. How Authoritarian States Project Influence // Foreign Affairs [Электронный ресурс]. URL: <https://www.foreignaffairs.com/articles/china/2017-11-16/meaning-sharp-power> (дата обращения: 20.02.2023).

⁶ Там же.

Наращивание Россией внешнеполитической активности по масштабированию влияния на иностранную аудиторию происходило приблизительно в одно время с расширением деятельности КНР в этом направлении. Помимо создания глобальной телерадиовещательной сети Russia Today в середине 2000-х гг., исследователи отмечают расширение охвата аудитории в цифровом пространстве, усиление поддержки государственных институтов, уполномоченных взаимодействовать с зарубежной общественностью, равно как формирование и реализацию многочисленных программ и мероприятий, которые представляли Россию, ее ценностные основы и политический режим, выступающий носителем этих ценностей, в благоприятном для страны ключе.

Таким образом, по мнению К. Уокер и Дж. Людвиг, внешнеполитическая деятельность этих двух стран является отражением их внутривнутриполитической и медийной повестки. «Пекин и Москва методично подавляли подлинное инакомыслие, запугивали или заставляли замолчать политических оппонентов, наводняли общественную информационную повестку пропагандистским контентом и умело включали в эту систему независимые голоса и институты, при этом стремясь сохранить обманчивую видимость плюрализма, открытости и современности»⁷, — пишут американские политологи. В качестве примера они приводят Китай, где якобы сформирована сложная система онлайн-манипуляций, включающая обширную многоуровневую систему цензуры и мониторинг интернет-контента в правительственных ведомствах и многочисленных частных компаниях. Данная система, убеждены американские политологи, предназначена для подавления и нейтрализации политических выступлений и коллективных действий против политики официального Пекина.

На основе утверждения, что так называемые авторитарные государства используют во внешнеполитическом взаимодействии такие же манипуляционные технологии влияния на иностранную аудиторию, как и на общественность внутри страны, Уокер и Людвиг дают определение «острой силе», называя ее «формами влияния авторитарных государств, которые проникают в политическую и информационную среду целевых стран, пронзают ее или оставляют в ней брешу... “Острая сила” позволяет авторитарным режимам врезаться в ткань общества, разжигая и усиливая существующие разногласия»⁸. Таким образом, «острая сила» отличается от «мягкой силы» в первую очередь тем, что она основана на принуждении к восприятию определенных нарративов. Субъекты, прибегающие к внедрению элементов «острой силы», не стремятся «завоевать умы и сердца», что лежит в основе концепции «мягкой силы»; вместо этого основной целью «острой силы» выступает попытка манипулировать целевыми аудиториями, искажая поступающую информацию⁹.

Называя отличительной чертой «острой силы» ее манипуляционный характер, авторы концепции подчеркивают, что «острая сила» не является разновидностью и «жесткой силы», поскольку применение инструментов последней имеет очевидные проявления. Реализация «остросиловых» технологий, напротив, должна оставаться незаметной для общественности и проявляться исключительно как результат изменения сознания реципиентов в пользу субъекта. Данный подход дает странам, прибегающим к «острой силе», «преимущество во времени, которое используется ими для распространения притягательных образов для непривлекательных ценностей авторитарных систем: монополии на власть, контроля “сверху вниз”, цензуры и

⁷ Там же.

⁸ Там же.

⁹ Walker Ch., Ludwig J. From “Soft Power” to “Sharp Power”: Rising Authoritarian Influence in the Democratic World. P. 8–25 // National Endowment for Democracy [Электронный ресурс]. URL: <https://www.ned.org/sharp-power-rising-authoritarian-influence-forum-report/> (дата обращения: 20.02.2023).

принудительной или полученной за деньги преданности»¹⁰. В связи с этим объекты воздействия являются скорее жертвами, чем имеющими право на свободный выбор представителями иностранных аудиторий, заявляют К. Уокер и Дж. Людвиг, подчеркивая, что речь идет не столько о содержательном наполнении взаимодействия с адресатами, сколько о политическом характере тех режимов, которые генерируют и продвигают манипуляционные техники. «Хотя Россия и Китай ведут некоторую деятельность, которая может подпадать под категорию стандартных элементов публичной дипломатии [ключевого инструмента реализации стратегии «мягкой силы»], такие как продвижение традиционной музыки или проектов с танцевальными представлениями, природа политических систем этих стран неизменно и фундаментально окрашивает их взгляды», — безапелляционно утверждают сотрудники одной самых могущественных «фабрик мысли» США¹¹.

Таким образом, авторы термина «острая сила» соотносят ее применение практически со всеми форматами внешнеполитической деятельности стран, которые расцениваются коллективным Западом как авторитарные. Исследователи настаивают на том, что культурные практики также являются политически окрашенными и по этой причине представляют собой инструменты «острой силы». В связи с этим они приходят к выводу, что нелиберальные режимы не способны вызывать симпатию, а продвигаемые ими идеи, образы и ценности могут стать конкурентоспособными исключительно путем манипуляций зарубежным общественным сознанием, поскольку их источником выступают изначально «неправильные», несовместимые с либеральным дискурсом, политические и социокультурные основы этих режимов.

Этот набор утверждений развивает высказанную Дж. Наем мысль о том, что концепция «мягкой силы» соотносится в первую очередь с системой либеральных ценностей. Еще в 2002 г. он предположил, что роль «мягкой силы» выросла за счет того, что оценка генерируемых информационных потоков со стороны аудитории осуществляется на основании чувства доверия к источнику информации, а любая «мягкая сила» основана на легитимности. Таким образом, страны, чья «мягкая сила» внушает большее доверие, приобретают больший авторитет, а соответственно, и власть, поскольку являются привлекательными для большего количества людей. К таким государствам, по мнению американского политолога, относятся те, которые делают акцент на продвижение идеологических и культурных ценностей, наиболее совместимых с преобладающим в мире дискурсом либерализма и плюрализма. Именно у подобных стран лучшим образом налажен доступ к многочисленным коммуникационным каналам, позволяющим влиять на формирование международной повестки благодаря политике укрепления доверия и авторитета у целевых групп [Nye 2002, 69–70].

Следуя логике основателя концепции «мягкой силы», можно заключить, что ее источником может выступать исключительно набор либеральных ценностей, поскольку они, во-первых, являются наиболее привлекательными для аудиторий, во-вторых, продвигаются западными странами во главе с США, в руках которых сосредоточены инструменты формирования значительной части преобладающих в мировой политике нарративов. К таковым относятся прежде всего осуществление контроля над деятельностью ряда ключевых международных организаций и влияние на медийное и цифровое пространство. И, наоборот, нелиберальные, с точки зрения коллективного Запада, практики и консервативные ориентиры некоторых национальных правительств якобы оказывают преимущественно разрушительное воздействие на формирование

¹⁰ Там же.

¹¹ Walker Ch., Ludwig J. The Meaning of Sharp Power. How Authoritarian States Project Influence // Foreign Affairs [Электронный ресурс]. URL: <https://www.foreignaffairs.com/articles/china/2017-11-16/meaning-sharp-power> (дата обращения: 20.02.2023).

государствами «золотого миллиарда» их притягательных образов. Другими словами, продвижение незападными странами собственного набора ценностей априори является технологиями «острой силы», что, собственно, и пытались доказать в своих работах К. Уокер и Дж. Людвиг.

Технологии «острой силы» как элемент внутривнутриполитической борьбы с альтернативными нарративами в странах Запада

Если же отказаться от либерально-демократической парадигмы как единственно верного пути социально-политического развития и допустить, что доверие у целевых аудиторий может вызывать не только формируемая западными странами повестка, становится очевидным, что проблема изучения феномена «острой силы» на Западе состоит в политизации самого термина «мягкая сила».

Ресурсы «мягкой силы», такие как культура или политические ценности, безусловно, могут служить основой для формирования стратегий «острой силы». К примеру, в том случае, когда подача информации происходит в формате, предполагающем обман или ее одностороннее освещение, что ограничивает тем самым добровольное принятие реципиентом решений, убеждение превращается в принуждение, а ресурсы «мягкой силы» используются в технологиях, которые Дж. Най охарактеризовал как «выкручивание мозгов» [Nye 2007, 170]. В связи с этим утверждение, что применение технологий «острой силы» может выступать характеристикой внешнеполитической деятельности исключительно нелиберальных стран, является, на наш взгляд, необоснованным. По сути, использование «острой силы» стало универсальным явлением, которое служит для описания деструктивных практик государств с применением ресурсов «мягкой силы». Отметим, что одним из наиболее ярких примеров здесь выступают «цветные революции» — государственные перевороты, осуществленные в начале XXI в. в ряде стран Евразии и Африки с использованием импортированных из-за рубежа технологий «мягкой силы» и методик ненасильственной борьбы. Стоит ли упоминать, что ключевым «импортером» указанных технологий и методик являлись именно западные страны во главе с США (по совпадению важную роль в большинстве из них сыграл работодатель Уокера и Людвиг — «Национальный фонд в поддержку демократии») [Наумов 2022].

Дж. Най утверждал, что страны, которые продвигают собственный набор ценностей, непременно должны практиковать их как во внутренней, так и во внешней политике, иначе соответствующие решения, которые основываются на узком толковании национальных интересов, могут подорвать саму суть «мягкой силы» [Nye 2004, 14]. Западные страны продвигают либеральные ценности, включая свободу слова и свободу мнения как основополагающие ресурсы «мягкой силы», однако эти ресурсы используются также в ходе реализации деструктивных технологий, когда, к примеру, аспекты исторической или правозащитной тематики, освещенные в соответствии с интересами коллективного Запада, противопоставляются государственной политике действующего нелиберального режима в странах-реципиентах, что подрывает их суверенитет.

Подобные методики активно применяются политическими элитами и для манипуляции общественным мнением в ходе внутривнутриполитической борьбы. Выборочные или односторонние ограничения демократических свобод в западных государствах представляют собой яркий пример расхождения между высокой риторикой и аморальными практическими действиями, которые подрывают легитимность инструментов их «мягкой силы», а в отдельных случаях являются прямыми доказательствами того, что «просвещенные» страны Запада сами применяют технологии «острой силы», в которых К. Уокер и Дж. Людвиг обвиняли Китай и Россию.

Показательным в плане нарушения демократических свобод и принципов правового государства, в частности свободы слова и верховенства закона, являются многочисленные электоральные манипуляции и массовые нарушения прав избирателей, осуществленные в ходе президентских выборов в США в 2020 г. Примечательно, что они были представлены либеральными мейнстримовыми средствами массовой информации не в качестве технологий «острой силы», а как некое благо во имя спасения демократии.

Эксперт авторитетного журнала Time, например, отмечая, что «за кулисами выборов в США разворачивался заговор», указывал при этом, что сомнительные с правовой точки зрения меры, направленные на организацию победы Дж. Байдена, были вполне легитимными. «Данная работа затрагивала все аспекты избирательного процесса. Они заставили штаты изменить системы голосования и законы, а также помогли привлечь сотни миллионов государственных и частных средств. Они отразили судебные иски о подавлении избирателей, набрали армии работников избирательных участков и впервые заставили миллионы людей проголосовать по почте. Они успешно оказали давление на компании социальных сетей... Все это звучит как бред конспиролога, но это действительно был тайный сговор богатых и авторитетных людей, которые изменили законы и правила голосования, отформатировали прессу и взяли под контроль весь поток информации»¹², — говорилось в статье влиятельного американского издания.

Другое авторитетное американское СМИ Bloomberg в ноябре 2020 г. откровенно признавалось, что для победы кандидата от Демократической партии «в ход пошли и самовольство в подсчете бюллетеней на избирательных участках, что во многом стал возможно благодаря тому, что в связи с коронавирусом по почте проголосовала почти половина американских избирателей по сравнению с незначительным количеством таковых на предыдущих выборах, прямой подкуп населения на местах и даже оказание психологического давления на американцев со стороны организаторов и участников движения “Жизни чернокожих важны”. В день голосования были отмечены бесчисленные нарушения, в частности угрозы физической расправы над наблюдателями от Республиканской партии, их недопуск к процессу подсчета голосов и пр. Несмотря на попытки потерпевших подать судебные иски, дальнейшего хода они не получили»¹³.

Обвинения в фальсификации выборов, как известно, вылились в так называемый штурм Капитолия 6 января 2021 г., в ходе которого его охранниками была убита безоружная сторонница республиканцев. Самого Д. Трампа обвинили в «подстрекательстве к мятежу», сотни демонстрантов впоследствии оказались под следствием, многие из них получили реальные тюремные сроки.

По горячим следам победивший кандидат от Демократической партии Дж. Байден назвал протестующих «внутренними террористами»¹⁴. Вторя «старшему брату», британский премьер Б. Джонсон осудил «позорные сцены в Конгрессе США», а его министр иностранных дел добавила, что «насильственным попыткам помешать законной и надлежащей передаче власти в Америке не может быть оправдания». В свою очередь, французский лидер Э. Макрон заверил, что мир не поддастся «насилию тех немногих, кто хочет подвергнуть сомнению демократию», а генсек НАТО Й. Столтенберг заявил, что к результатам этих демократических выборов «нужно проявить

¹² The Secret History of the Shadow Campaign That Saved the 2020 Election // Time [Электронный ресурс]. URL: <https://time.com/5936026/secret-2020-election-campaign/> (дата обращения: 20.02.2023).

¹³ Trump's Michigan Poll Watchers Make Few Clear Fraud Accusations // Bloomberg [Электронный ресурс]. URL: <https://www.bloomberg.com/news/articles/2020-11-13/trump-s-michigan-poll-watchers-make-few-clear-fraud-accusations> (дата обращения: 20.02.2023); Trump Backers to Renew Detroit Protests After Ballot Count Ends // Bloomberg [Электронный ресурс]. URL: <https://www.bloomberg.com/news/articles/2020-11-04/trump-supporters-enter-detroit-ballot-counting-center> (дата обращения: 20.02.2023).

¹⁴ Biden Says Rioters Who Stormed Capitol Were Domestic Terrorists // The Wall Street Journal [Электронный ресурс]. URL: <https://www.wsj.com/articles/biden-says-mob-that-stormed-capitol-were-domestic-terrorists-11610046962> (дата обращения: 20.02.2023).

уважение»¹⁵. «То, что произошло 6 января, не было мирной демонстрацией, — провозгласил окружной судья США П. Фридман, вынося приговор одному из обвиняемых в участии митинга. — Каждый участник беспорядков в Капитолии независимо от того, сколько минут он принимал участие в них, внес свой вклад в нападение на демократию и демократические нормы США, что продолжает вызывать среди мировой общественности негативный отклик»¹⁶.

Наиболее яркие слова, совершенно недвусмысленно демонстрирующие торжество «двойных стандартов» Запада, пожалуй, прозвучали из уст президента Литвы. «Мирная передача власти является основой зрелой демократии. Верховенство закона — это не правило улицы»¹⁷, — заявил Гитанас Науседа. В связи с этим стоит отметить, что в ходе упомянутых выше «цветных революций» США и страны ЕС в решающий момент противостояния правящих режимов и оппозиции в качестве единственно легитимной власти признавали именно «улицу». В 2014 г., когда в Киеве агрессивные демонстранты устраивали погромы правительственных учреждений и закидывали сотрудников правоохранительных органов «коктейлями Молотова», Вашингтон, Брюссель и другие западные столицы требовали от законного президента Украины В. Януковича «прислушаться к требованиям народа» и отказаться от ответных насильственных действий. В этом и многих других случаях никакой речи о «подстрекательстве к мятежу» и «внутренних террористах» не шло, а нарушители законы, включая убийц сотрудников правоохранительных органов, обозначались как «мирные демонстранты».

Достоинством упоминания является и другой эпизод. Уже 6 января близкая к Демократической партии газета The New York Times беспартийно утверждала, что «толпа в Вашингтоне, пытающаяся сорвать мирный транзит американской власти, создала угрозу для всех демократий мира»¹⁸. Буквально на следующий день в китайском Государственном информационном агентстве «Синьхуа» было опубликовано заявление официального представителя Министерства иностранных дел КНР Хуа Чуньин: отвечая на вопрос некоторых китайских пользователей сети, высмеивающих беспорядки как «прекрасное зрелище», термин, который когда-то использовала спикер Палаты представителей США Н. Пелоси для обозначения насильственных протестов в Гонконге в 2019 г., Х. Чуньин сказала, что «китайцы имеют право и свободу выражать свое мнение и комментировать онлайн. В то время как основные американские средства массовой информации осудили протестующих в Капитолии США как «толпу», они назвали жестоких протестующих в Гонконге «демократическими героями», заявив, что народ США поддерживает их. Резкий контраст в реакциях и выборе слов заставляет задуматься и заслуживает нашего размышления», — отметила Х. Чуньин»¹⁹.

В этой связи важно отметить позицию ключевых американских новых медиа (которые, к слову, сыграли очень важную роль в ходе «цветных революций» в Тунисе, Египте и на Украине в 2010–2014 гг. [Наумов 2018]). «Твиттер»²⁰, например, всегда подчеркивал свою приверженность свободе слова и выражению собственного мнения. «Свобода самовыражения

¹⁵ World leaders condemn 'assault on democracy' at US Capitol // Euractiv.com [Электронный ресурс]. URL: <https://www.euractiv.com/section/global-europe/news/world-leaders-condemn-assault-on-democracy-at-us-capitol/> (дата обращения: 20.02.2023).

¹⁶ Court hearings, guilty pleas belie right-wing recasting of Jan. 6 defendants as persecuted patriots // Washington Post [Электронный ресурс]. URL: https://www.washingtonpost.com/local/legal-issues/j6-rally-capitol-riot-defendants/2021/09/17/b433ecb6-1657-11ec-a5e5-ceecb895922f_story.html (дата обращения: 20.02.2023).

¹⁷ Литва заявила, что верит в верховенство демократических ценностей в США // РИА Новости [Электронный ресурс]. URL: <https://ria.ru/20210107/demokratiya-1592243989.html> (дата обращения: 20.02.2023).

¹⁸ A Shattering Blow to America's Troubled Democratic Image // The New York Times [Электронный ресурс]. URL: <https://www.nytimes.com/2021/01/07/world/europe/macron-merkel-trump-capitol-democracy.html> (дата обращения: 20.02.2023).

¹⁹ China calls for peace, stability, security after U.S. Capitol riots // Xinhuanet [Электронный ресурс]. URL: http://www.xinhuanet.com/english/2021-01/07/c_139649496.htm (дата обращения: 20.02.2023).

²⁰ Работа сети Twitter заблокирована на территории РФ по решению Роскомнадзора.

играет важную роль в формировании более толерантного и инклюзивного общества»²¹, — так пресс-служба Государственного департамента США отреагировала на запрос от российских коллег в связи с решением ограничить их доступ к работе данной социальной платформы. Однако после январских событий в Вашингтоне «Твиттер» заблокировал аккаунт Д. Трампа и его многочисленных сторонников без возможности восстановления. Руководство соцсети объявило, что риски сохранения комментариев экс-президента на его страничке в популярном мессенджере стали слишком высокими. «Осуществление нашей политики в интересах общества — и это то, чем мы руководствовались годами в наших правоприменительных действиях, — заканчивается там, где, по нашему мнению, риск угрозы вреда выше», — заявил представитель компании²². Стоит ли говорить, что, в соответствии с этой логикой, аккаунты венесуэльского политика Х. Гуайдо, вожака протестов в Гонг-Конге Д. Вонга, самопровозглашенного лидера российской оппозиции А. Навального²³ и многих других одиозных личностей, призывавших к силовому захвату зданий, насилию над представителями правоохранительных органов и другим противоправным и незаконным действиям, должны были быть заблокированы «Твиттером» незамедлительно.

В качестве ключевого примера в данной статье совершенно неслучайно выбрана ситуация вокруг штурма Капитолия. Эти события разворачивались в столице безусловного лидера современного либерального мира — США, то есть в самом центре Западного мира. Что же говорить про политику коллективного Запада в отношении других стран, особенно их геополитических противников, которая давно уже основывается на пресловутых «двойных стандартах» и «фейковых новостях»?

Заключение

Представленный в 2017 г. сотрудниками американского «Национального фонда в поддержку демократии» К. Уокером и Дж. Людвиг концепт «острой силы» был разработан для описания внешнеполитических технологий влияния на зарубежные аудитории со стороны так называемых нелиберальных и авторитарных режимов. Они исходят из того, что эти государства используют во внешнеполитическом взаимодействии такие же манипуляционные методы воздействия на иностранную аудиторию, как и на общественность внутри собственных стран. В соответствии с этим Уокер и Людвиг дают определение «острой силе», называя ее формой влияния авторитарных государств, которая позволяет агентам этих режимов «врезаться» в ткань общества, разжигая и усиливая существующие разногласия. При этом, как полагают американские политологи, переосмысления требует весь концепт «мягкой силы», так как нелиберальные страны маскируют приемы осуществления влияния на зарубежные аудитории под «мягкосиловые» технологии и в целом любой ресурс и/или инструмент авторитарных обществ является политически окрашенным. Поскольку магистральные западные исследования берут за отправную точку утверждение, что продвижение любых других ценностей, отличных от либеральных в их толковании, в принципе не может соотноситься с «настоящей» «мягкой силой», то у нелиберальных стран априори не существует «мягкой силы» ввиду отсутствия ценностной системы, необходимой для ее формирования и наполнения.

²¹ Госдеп ответил на замедление Twitter в России словами о свободе слова // РБК [Электронный ресурс]. URL: <https://www.rbc.ru/politics/11/02/2021/604a29b39a7947bd25886020> (дата обращения: 20.02.2023).

²² Twitter and Facebook Lock Trump's Accounts After Violence on Capitol Hill // The New York Times [Электронный ресурс]. URL: <https://nyti.ms/3ooSbnE> (дата обращения: 20.02.2023).

²³ Внесен в перечень физлиц, в отношении которых имеются сведения об их причастности к экстремистской деятельности или терроризму.

Тем не менее идеи «подавления подлинного инакомыслия» и «запугивания или принуждения к молчанию политических оппонентов»²⁴ органично вписываются в парадигму действий именно западных стран. Выборочные или односторонние ограничения демократических свобод в этих государствах представляют собой пример расхождения между высокоморальной риторикой и аморальными практическими действиями, которые подрывают легитимность инструментов их «мягкой силы», а в отдельных случаях являются прямыми доказательствами того, что страны «золотого миллиарда» сами применяют технологии «острой силы», в которых К. Уокер и Дж. Людвиг обвиняли Китай и Россию. С этой точки зрения очевидно, что «острую силу» уместнее определять как форму манипулирования общественным мнением с использованием ресурсов «мягкой силы» для дестабилизации социально-политической ситуации. Интерпретация же «острой силы», данная американскими авторами концепта, является политически окрашенной терминологической инновацией, изобретенной с целью дискредитации на международной арене геополитических противников США.

Список литературы:

- Волкова Е.А., Лукина Л.В., Лаптева Ю.И. Концепт «острой силы» в исследованиях внешнеполитических стратегий // Вестник ВГУ. Серия: История. Политология. Социология. 2020. № 1. С. 17–22.
- Козлов К.В. Подход «умной силы» (smart power) во внешней политике США и ее трансформация в XXI веке // Политика и общество. 2017. № 6. С. 11–31. DOI: [10.7256/2454-0684.2017.6.23253](https://doi.org/10.7256/2454-0684.2017.6.23253)
- Кузнецов Д.В. «Острая сила» в современном политическом дискурсе стран Запада и внешняя политика России и Китая // Проблемы Дальнего Востока. 2021. № 3. С. 145–159. DOI: [10.31857/S013128120015384-3](https://doi.org/10.31857/S013128120015384-3)
- Леонова О. Sharp Power — новая технология влияния в глобальном мире // Мировая экономика и международные отношения. 2019. Т. 63. № 2. С. 21–28. DOI: [10.20542/0131-2227-2019-63-2-21-28](https://doi.org/10.20542/0131-2227-2019-63-2-21-28)
- Махмуд А. Sharp power. Попытка западных авторов разделить мягкую силу на «свою» и «чужую» // Вестник РГГУ. Серия «Политология. История. Международные отношения». 2020. № 4–2. С. 186–202. DOI: [10.28995/2073-6339-2020-4-186-202](https://doi.org/10.28995/2073-6339-2020-4-186-202)
- Моисеенко Я.Ю. Феноменология «Smart Power»: кратологический аспект // Дискурс-Пи. 2017. № 3–4 (28–29). С. 150–154. DOI: [10.17506/dipi.2017.2829.34.150154](https://doi.org/10.17506/dipi.2017.2829.34.150154)
- Наумов А.О. Традиционные и новые медиа как акторы «цветных революций» // Дискурс-Пи. 2018. № 3–4 (32–33). С. 79–87. DOI: [10.17506/dipi.2018.32.3.7987](https://doi.org/10.17506/dipi.2018.32.3.7987)
- Наумов А.О. «Цветные революции». М.: Издательство «Кучково поле», 2022.
- Наумов А.О., Белоусова М.В. «Острая сила»: критический анализ в современном научном дискурсе // Дискурс-Пи. 2022. Т. 19. № 4. С. 48–65. DOI: [10.17506/18179568_2022_19_4_48](https://doi.org/10.17506/18179568_2022_19_4_48)
- Неймарк М.А. «Мягкая сила» в мировой политике. М.: Дашков и Ко., 2018.
- Паршин П.Б. «Мягкая сила» в лабиринте дискуссий. М.: МГИМО, 2020.
- Смородина Ю.В. «Умная сила» во внешней политике США: гуманитарный и политический аспекты // Социально-гуманитарные знания. 2018. № 4. С. 278–283.
- Nye J. The Information Revolution and American Soft Power // Asia-Pacific Review. 2002. Vol. 9. Is. 1. P. 60–76. DOI: [10.1080/13439000220141596](https://doi.org/10.1080/13439000220141596)

²⁴ Walker Ch., Ludwig J. The Meaning of Sharp Power. How Authoritarian States Project Influence // Foreign Affairs [Электронный ресурс]. URL: <https://www.foreignaffairs.com/articles/china/2017-11-16/meaning-sharp-power> (дата обращения: 20.02.2023).

Nye J. *Soft Power: The Means to Success in World Politics*. New York: Public Affairs, 2004.

Nye J. Notes for a Soft Power Research Agenda // *Power in World Politics* / ed. by F. Berenskoetter, M.J. Williams. London: Routledge, 2007. P. 162–172.

Nye J. *The Future of Power*. New York: Public Affairs, 2011.

Soft power: теория, ресурсы, дискурс / под ред. О.Ф. Русаковой. Екатеринбург: Издательский Дом «Дискурс-Пи», 2015.

Soft power, мягкая сила, мягкая власть. Междисциплинарный анализ / сост. и ред. Е.Г. Борисова. М.: Флинта, 2020.

References:

Borisova E.G. (ed.) (2020) *Soft power, myagkaya sila, myagkaya vlast'. Mezhdistsiplinarnyy analiz* [Soft power. Interdisciplinary analysis]. Moscow: Flinta.

Kozlov K.V. (2017) The Smart Power concept and the Evolution of the U.S. Foreign Policy. *Politika i obshchestvo*. No. 6. P. 11–31. DOI: [10.7256/2454-0684.2017.6.23253](https://doi.org/10.7256/2454-0684.2017.6.23253)

Kuznetsov D.V. (2021) “Sharp Power” in the Modern Political Discourse of Western Countries and the Foreign Policy of Russia and China. *Problemy Dal'nego Vostoka*. No. 3. P. 145–159. DOI: [10.31857/S013128120015384-3](https://doi.org/10.31857/S013128120015384-3)

Leonova O. (2019) Sharp Power — the New Technology of Influence in a Global World. *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya*. Vol. 63. No. 2. P. 21–28. DOI: [10.20542/0131-2227-2019-63-2-21-28](https://doi.org/10.20542/0131-2227-2019-63-2-21-28)

Mahmud A. (2020) Sharp Power. The Effort of Western Authors to Divide Soft Power on “Our” and “Theirs”. *Vestnik RGGU. Seriya “Politologiya. Istoriya. Mezhdunarodnye otnosheniya”*. No. 4. P. 186–202. DOI: [10.28995/2073-6339-2020-4-186-202](https://doi.org/10.28995/2073-6339-2020-4-186-202)

Moiseenko Ya.Yu. (2017) Phenomenology of Smart Power: Cratological Aspect. *Diskurs-Pi*. No. 3–4 (28–29). P. 150–154. DOI: [10.17506/dipi.2017.2829.34.150154](https://doi.org/10.17506/dipi.2017.2829.34.150154)

Naumov A.O. (2018) Traditional and New Media as Actors of Color Revolutions. *Diskurs-Pi*. No. 32–33. P. 79–87. DOI: [10.17506/dipi.2018.32.3.7987](https://doi.org/10.17506/dipi.2018.32.3.7987)

Naumov A.O. (2022) “*Tsvetnyye revolyutsii*” [Color revolutions]. Moscow: Izdatel'stvo “Kuchkovo pole”.

Naumov A.O., Belousova M.V. (2022) Sharp Power: Critical Analysis in Modern Scientific Discourse. *Diskurs-Pi*. Vol. 19. No. 4. P. 48–65. DOI: [10.17506/18179568_2022_19_4_48](https://doi.org/10.17506/18179568_2022_19_4_48)

Neymark M.A. (2018) “*Myagkaya sila*” v mirovoy politike [Soft power in world politics]. Moscow: Dashkov i Ko.

Nye J. (2002) The Information Revolution and American Soft Power. *Asia-Pacific Review*. Vol. 9. Is. 1. P. 60–76. DOI: [10.1080/13439000220141596](https://doi.org/10.1080/13439000220141596)

Nye J. (2004) *Soft Power: The Means to Success in World Politics*. New York: Public Affairs.

Nye J. (2007) Notes for a Soft Power Research Agenda. In: Berenskoetter F., Williams M.J. (eds.) *Power in World Politics*. London: Routledge. P. 162–172.

Nye J. (2011) *The Future of Power*. New York: Public Affairs.

Parshin P.B. (2020) “*Myagkaya sila*” v labirinte diskussiy [Soft power in the labyrinth of discussions]. Moscow: MGIMO.

Rusakova O.F. (ed.) (2015) *Soft power: teoriya, resursy, diskurs* [Soft power: Theory, resources, discourse]. Ekaterinburg: Izdatel'skiy Dom “Diskurs-Pi”.

Smorodina Yu.V. (2018) "Smart Power" in Foreign Policy of the USA: Humanitarian and Political Aspects. *Social'no-gumanitarnye znaniya*. No. 4. P. 278–283.

Volkova E.A., Lukina L.V., Lapteva Yu.V. (2022) The Concept of Sharp Power in Studies of Foreign Policy Strategies. *Vestnik VGU. Seriya: Istoriya. Politologiya. Sociologiya*. No. 1. P. 17–22.

Дата поступления/Received: 24.02.2023